

Сказка про мужика

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был мужик. У него ни сын, ни дочь и ни мать, ни отес — все померли. Он жил-жил. Об онну пору и пошел искать лешину делать себе лук и стрелу: питаться нечем к нему, зайцы бегают — убить нечем. Первую лешину сделал лук — он переломил, вторую сделал — переломил, третью сделал — переломил.

И у него недалёко есть город. Он пошел в этот город. Приходит (к) царю: «Здравствуйте!» — « Ну, какие тебя ветры завеяли, по какому случаю пришел?» — «Я пришел к вам по онному: дайте мне какой-нибудь лук». — «Ну как лук?» — « Ну лук мне надо. Я вот сколько делал из деревьев — и нет, никакой лук не могот стоять». Ну цар сказал: «Подьте принесите осилкиново лучок». Пошли, принесли осилкиново лучок: семеро несут его. Положили, положили его на чугунный мост. «Вот, — говорит, — возьми». Он взял, дернул и лук переломил, изломал. Цар стопал, зравкал: «Поди убирайся, ты осилкиново лук изломал, и больше не показывайся! Больше у тебя лук цел не останется!»

Пошел дальше. На краю города нашел — стоит дом. Вуходит (в) этот дом. Живет старик и старуха. У старика нога изломанная, рука изломанная, глаз видернутой. И у женщины рука изломанная, глаз видернут и нога изломанная. Оба калеки. Пришел, говорит: «Дедушко, дай мне какой-нибудь лук. Мне цар дал осилкиново лук — я переломил». — «Ну, — говорит, — какой же у тебе лук устоит? У меня, — говорит, — есть хылгычка». Старик сказал: «Старуха, поди принеси, у меня (в) сенном амбаре есть хылгычка». Старуха пошла, одна принесла. «Вот, миленькой, возьми мою хылгычку». Потянул: «О, — говорит, — дедушко, крэпок!» — «Ну тяни», — говорит. Тот потянул — ниту, не могот. «Ну потяни, — говорит, — хорошенько, ты же осилкиново лук изломал, а мою чо хылгычку ты» , — говорит. Потянул — ну еле-еле вытянул. Тогда сказал старик: «Дурак сибиряк, слушай, я стану тебе рассказывать повесть, вот как пошло».

«Вот, — говорит, — как я молодой бул, из дому в шендуху много ходил когда подростком. Ходил-ходил. Вдруг заблудился онно врэмо и увидел — стоит дом, (из) дерева срублен. Захожу я туда — сидят двенадцать человек, двенадцать разбойников, с нима есаул и атаман. « Как, — говорит, — возьмем его или, — говорит, — не возьмем?» Я стал кланяться: «Я —

нишший, бенной, заблудящийся!» Ну бились-бились. Ну атаман взял, главный. И говорят: «Ты станешь-будешь с нами воровать?» — «Буду грабить, буду!» А куда, говорит, я денуся? Я, говорит, с нима ездю, граблю, всё с нима.

А об онну пору есаул говорит: «Сегодня мое рождение, будем дневать». Покатили семь бочек водку. Вупили. Я хоть пью, но немножко, поддерживаюся, но буюся. И вдруг, говорит, один в окошко взглянул: «О, — говорит, — лычна казна сама во двор идет!» (В)зглянули — человек едет на двух лошадях, два возка, белый и черный конь. Вдруг бежать-от надо. Послали шестерых. Шестеро добежали, нарты стали ворочать — он шесть стросточкой отбил, сял, пояхал.

Ну побежали все двенадцать, и он вместе с нима. Набежали, стали грабить. Он берет стросточку: «Только, — говорит, — дайте стросточку, иное берите». Он их всех тут наклат, всех двенадцать. И я поклонился: «Эй, я — нишший, бенной, заблудящей, ограбленной, меня возьми с собой!» Ну он посмотрел и говорит: « Ну ланно, давай будем со мной. Чего стану наказывать, будешь выполнять?» — «Буду», — я говорю. «Ну садись на черного коня и поедем». А сам на белом ездит. И пояхали. Прияхали — вдруг дом какой-то. Дом пустой, говорит, он и я, только двое.

Слушай, говорит, дурак сибиряк, какие ми були, да и не хвастали!

И стал говорить: «Ночь сиди сейчас, не спи! Утренняя зара заниматься станет, со зарой вместе морочок, ты меня буди. Если не разбудишь, вот трохпудовый молоток, этим молотком по лбу колоти!» — «Ланно», — говорю. Ну богатырь, говорит, смотрю, большой, говорит, человек, здоровой. Ланно. Ну я сидю ночь, говорит.

Утром заниматься зара стала. Смотрю — морочок. Он спит. Я, говорит, хватил молоток, давай этим молотком здыхать [!] — спит. Лоб крошит — он не розбужается. Смотрю, говорит, — морок больше. Я заплакал, слеза на грудь упала — он на гору взошел: «О, — говорит, — чашку чаю випью и поеду», — говорит. А не говорит куда, не сказыват. «Громы загремят, молнии засверкают, на улице не будь, только дома будь!» Я говорю: «Ланно, все исполню». Он чашку чаю випил, сял на этого на своего на белого коня и уяхал.

Этот ходил-ходил. Вдруг гром загремел и молнии засверкали. До дому добегать стал — упал, ничего не чувствует. Лежал долго ли, коротко ли —

всё утихло. Соскочил скорее домой. В дом вошел, все то-другое исправил, видит — едет. Подъехал. Я, говорит, вышел к нему. «Вон дуб стоит, принеси этот дуб мне спуститься, я на землю не могу спуститься».

Дурак сибиряк, слушай, какие сильные ми були, да не хвастали!

Побежал я, говорит, дуб сорвал, принес. Четверть дуба в землю ушел — спускаться стал. Спустился, вошел. Я напоил-накормил. Говорит: «Сейчас я лягу спать. Завтра будет зара заниматься, со зарой вместе морочок, ты меня, — говорит, — тоже буди. Вот лежит, — говорит, — пятипудовый молоток, этим молотком меня колоти по лбу».

Я, говорит, сидю. Утром зара заниматься стала, со зарой вместе морочок. Стал пятипудовым молотком колотить — нет, лоб крошеет, сам не разбужатся. Я вжял заплакал, слеза на грудь упала — он на гору-то встал. Чяшку випил. «Громы загремят, молнии засверкают, — на дворе не будь!» — «Ланно», — я говорю. Я, говорит, притаиваюсь, что я на дворе бул. Уяхал.

Ходил-ходил по улице. Вдруг, говорит, громы загремели, молнии засверкали. Я побежал. До дому добежал, упал — ничего не чувствую. Учувствовал — всё тихо. Захожу, говорит, домой, ну то-другое подготовил, гляжу — едет. Подошел. Спускаться стал — больше полудерева, дуба ушел в землю. Спустился, пришел. «Я, — говорит, — чо, посленнюю ночь [!] буду завтра. Живой буду — да будем живые, а нет — да нет, — говорит. Наказывать стану, — говорит. Зара заниматься станет, со зарой вместе морочок, сразу, — говорит, — буди. Вот десятипудовый молоток лежит, этим молотком бей!»

Дурак сибиряк, слушай, какие ми були, да не хвастали! Такие сильные були, а ты вот мой лучок-хылгычок не мог вытянуть, а говоришь: сильной!

Ну я, говорит: «Давай». Ляг, говорит, он. Со зарой вместе морочок стал подыматься. Я, говорит, стал будить — ниту. Десятипудовым молотком ударил — ниту. Я, говорит, вжял заплакал, слеза на грудь упала — он соскочил. «О, — говорит, — проспал, четверть неба, — говорит, — закрыло!» Ну, говорит, наказывать стал: «Громы загремят, молнии засверкают, на дворе не будь! Это, — говорит, — все пройдет, потом твой конь, — говорит, — станет огнем палить, дымом душить. Ты, — говорит, — как-нибудь ему руку доведи до гривы, да как-то на него, — говорит, — сядь и не отвезывай. Он, — говорит, — сам сорвется ли, виломат ли кого, понесет, куда ему надо, — туда так и едь. Усиди, — говорит, — только усиди!» Вискочил, пояхал, чай

не пил — опоздал.

Я, говорит, ходил-ходил сзади его. Громы загремели, молнии засверкали — я упал, говорит, ничего не чувствую. Учувствовался — конь, говорит, весь огнем горит и дымом дышит. Я, говорит, соскочил, побежал, но он, говорит, не допустят меня совсем. Но я, говорит, бился, бился, схватил за гриву. Он, говорит, меня как махнул. Учувствовался — мольча шумит, так и несет, как вечно завязан на нем.

Няс, няс, няс. Увидел — две горы лежат, и два коня дерутся. Эти две горы — два богатыря: его-то и другой богатырь. Я как надъяхал, так эти кони разошлись, перестали драться. Смотрю, говорит, хозяин лежит, глазами мигает. Стащить чела — ниту. К нему подошел, глазами мигает, только стащить чела ниту. Чего делать? Не знаю. Хозяин маячит: саблю коню своему завязать ту да через того шею-то переволокчи. Я завязал, говорит, у меня шила-то не берется поднять его сабля. Не берется шила, завязал, говорит, немножко, а конь, говорит, переволок — шея выпала. Смотрю — тот мужик ух хороший перчень на мижинчике ношит. Думаю: «Я возьму себе». Взял у того богатыря, надел на руку.

Этот хожяин (в)стал: «Ох, ты избавил меня, молодец», — говорит. — А сейчас, говорит, — поедем домой». И поехали. Я, говорит, еду-еду да с коня упаду — перчень переваливат меня: шильный же тот богатырь. Приехали, говорит, домой. Чайник я, говорит, сварил, иду-иду да хлоп. «Чо, — говорю, — хожяин?» Хожяин ничего не говорит. Вдруг, говорит, иду один раз чай налить — чуть ли не упал. Меня хожяин спрашивает: «Ты кого вжял?» Я: «Никого». — «Нет, ты, — говорит, — у этого богатыря кого-то вжял». — «Перчень, — говорит, — я вжял». — «Беги, — говорит, — скорее, а то оживет. Буде оживет, то обоих убьет. Если ты когда станешь, — говорит, — в лоб стрель, если тогды только не оживет. А если в лоб не стрелишь, не упадет, то оживет, нас обоих убьет, больше не спастись».

Я, говорит, пешком. Бегу-бегу да упаду. Бегу-бегу да упаду. Бегу-бегу да упаду. Добегаю. Стала голова страстываться. Ударил, говорит, стрелил в самый лоб — голова выпала. Прибежал. «Так сделал?» — «Так». — «Ну молодец!»

Ну наказывать стал: «Теперь поедем (ко) мне домой, там у меня шестра есь, я, — говорит, — тебе шестру замуж дам. Я, — говорит, — старшой, шестра, — говорит, — подо мной, еще есь третья шестра. Но я подо мной-то дам, старшу-ту». (К нему-ту младше, а его-то она меньчей.) Ланно. Приезжают,

говорит, домой. Толста, говорит, така же, така же женщина здоровая. Он говорит: «Вот этот человек избавил, я тебя посулил к нему». Она говорит: «Согласна, раз ты, брат, узнал этого человека да посулил, чего тут! Ну я, — говорит, — как решите, так иду». Стали жить.

Вдруг в месте происходит у одного цара — делает бал: что узнает, кто убил у него три сына, три богатыря, вот этих-то. Цар спрашивает, что: «Хто моих сыновей убил, пусь приезжает (ко) мне на бал, я делаю бал».

Ну этот мужик сказал, что: «Давай поедем вместе. Ты поедь с женой, а я поеду один. Поди хватай лошадей». Он вишел, этот старик, хватать лошадей: «Откуда я, — говорит, — поймаю этак такие же дуры?» Жена вишла: «Чо, поймать не можешь?» Я говорю: «Не могу». — «Ну я, — говорит, — поймаю, а ты дойди да говори: я поймал». Ну поймала, привела.

Пришел. «Поймал?» — «Поймал», — говорит. «Ну поди, — говорит, — шедлай!» Ну пошел я. Ну откуда я шедло подыму? Поймать не мог — шедло подыму? Она вишла: «Чо, обшедлать не могошь?» — «Не могу», — говорит. «Я обшедлаю, ты дойди да скажи, что: я обшедлал».

Пришел. «Обшедлал?» — «Обшедлал». — «Давай, — говорит, — тогда пойди обуздай». Я, говорит, пошел. Откуда обуздаю? Она вишла, мне обуздала: «Пойди да говори: я обуздал». Пришел, говорю: «Я обуздал». — «Ну хорошо, — говорит, — поехали. Ты, — говорит, — с женой поедь, а я поеду один».

Там (к) цару дояхали. Цар не знает, где место дать: такие-то люди, этот-то человек — ну история, мужик, богатырь! Провели их в само переднёе место, его с женой и этого мужика вместе. Каменная у них дом, то есть кирпичной дом у них. Провели (в) переднё место: баба с мужем и он, этот вместе. Перед самим царом. А в коидоре он поставил солдат, цар, чтобы в случае чего узнать чтобы сразу убить. И вот они побыли немного, стали пить. Ну а тот пьет — хоть бы хны, а я-то, говорит, воздьярживаюся.

Цар спрашивает: «Хто моих трох сыновей убивал? Это же три гори! Я, — говорит, — не знаю. Кто будет скажет, я тому отделю полжичья, полбычья, полимения своего и половина людей город». Вше мальчат. Вше хто хвастать стали чем: мол, я шильный; тот там говорит: я богатой. Да вше это пошло так. Я, говорит, ну в голову вот вишло. Только вот хочу сказать, она меня прихватит, придавила, жена. Я, говорит, опеть. Пили, пили, пили. Другой раз опеть хочу только сказать, что ми убили, опеть придавила меня — я опеть остановился. Поэтому и жала...

Третий раз я не выдержал, сказал: «Ми, — говорю, — с хозяином это убили!» Только это и чувствую, больше ничего не чувствую. Учувствовался — лягу где-то (в) тундре, озеро, на озере пень, такой, на пеню кукушка кукует. Больше ничего не знаю. Как и чего — ничего не знаю, как получилось.

И вижу — человек едет на белом коне, черного (в) поводу ведет, и двои сани. Мне ничего не сказал, хватил меня, мне ногу изломал, руку изломал и глаз выкопал, и бросил на заднюю сани. Гляжу, слышу — под низом человек охат. Я говорю: «Хто ты?» — «Ты, — говорит, — сгубил нас!» Смотрю — жена. «А чего?» — «Он, — говорит, — у меня руку изломал, ногу изломал и глаз выкопал». Приехал, привез, говорит, вот (в) этот дом, нас и бросил, ну продукты привез: на нас, говорит, хватит, да еще останется продукты, всё, говорит, у нас есть.

«А почему, — говорит, — как получилось?» — «Вот, — говорит, — как ты похвастался, сразу кинулись с порога эти солдаты, а этот, — говорит, — взял стену ударил кулаком: стена, и нас, — говорит, — с тобой выбросило, и самого себя. И сяд на коней. Ты, — говорит, — в такую даль улетел. «Ну я-то, — говорит, — у яхал все-таки, и она со мной, а ты-то улетел, — сам не знаю где». (Вот такую шилу имел он!) — «И вот, — говорит, — он почему у меня изломал руку да ногу?» — у баби спрашивает. «Потому что ты, — говорит, — заслужил». [Брат говорил:] «Если тебя я оставлю, но не изломанного, то ты ее бросишь, потому что она такая, изломанная. А если тебя изломаю, да ее не изломаю, она будет тебя бросить, потому что она-то целая. А сейчас, — говорит, — вы оба калеками». Она меня не бросит, и я ее не брошу, и так мы оба и умрэм.

Вот, дурак сибиряк, какие були люди, да не хвастали!»

Жить да быть, да поживать до таперя.

Эта сказка кончилась.

(Магнитофонная запись Ю. И. Смирнова 02. 07 1982 г. от Е. С. Киселева, в м. Федеровское на Русской протоке нижней Индигирки)

Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока, 1991.

Смотрите также русскую сказку со схожим сюжетом: [Три богатыря](#)